

Пьер Кребс

БАЛАНС СЕМИЛЕТНЕЙ МЕТАПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Из сборника «Мужество ради идентичности»

Альтернативы принципу равенства / под редакцией Пьера Кребса.

ISBN 3-922314-79-1

© Пьер Кребс, 1988 год

От редактора:

Мы переживаем политический перелом: старый спор между «правыми» и «левыми» в сфере социальных вопросов утрачивает свою силу. Официальные правые и левые все больше начинают заключать друг друга в идеологические объятия, за которыми тут же следуют политические: они обнаружили общность в том, что касается дальнейшего существования так называемой западной цивилизации, а именно, прежде всего, в тех областях этой цивилизации, которые

можно оценить лишь негативно: в областях ее властно-структурных, эгалитаристских, экономических и универсалистских «ценностей».

Эта книга хочет сделать что-то против этого. Отдельные статьи в ней указывают на то, что развивается новая разграничительная линия, на сей раз – между приверженцами космополитизма и сторонниками этнокультурной идентичности. В наше время отчужденности от культурного творчества и традиции народа стало необходимым описать корни идентичности, духовного самосохранения и саморазвития отдельного человека, а также различных жизненных и культурных общностей, сделав из этого в дальнейшем основу аргументации для обоснованного противостояния духу недееспособности, разложения и разрушения.

Новые дискуссии о проблематике иммиграции и многорасового, мультикультурного и смешано-культурного общества, об утрате культурного наследия и традиции народа, а также о техническом прогрессе всегда, что характерно, ставят решающий вопрос об идентичности. Также и угрозы военного и экономического характера находятся в центре дискуссий об идентичности. В борьбе против универсальной смешанной культуры следует объединить национальные европейские идентичности, рассматривая их как дополняющие друг друга, и не противопоставляя их между собой. Необходимо дополнить национальную идентичность на более высоком уровне (Европа) и укоренить ее на уровне более низком (регионы). *Мужество ради идентичности* защищает модель гетерогенного мира гомогенных народов, а не наоборот!

Об авторе:

Доктор Пьер Кребс – франко-германский правый публицист, ученый, издатель и политик, один из теоретиков «Новых правых». По происхождению француз, родился в Алжире 20 декабря 1946 года.

Изучал право в университете Монпелье, затем журналистику в Высшей школе журналистики в Париже и социологию и политологию в Сорбонне. Получил в Сорбонне степень доктора философии. В возрасте 21 года стал участником правозэкстремистской французской партии *Rassemblement Européen de la Liberté (REL)* Кребс стал главным редактором партийной газеты *REL Europe*. В 1968 году стал председателем правления партии и ответственным за работу с общественностью. Затем Кребс переехал в Германию и учился в Гёттингенском университете. В 1980 году Кребс вместе с другими правыми радикалами, такими как издатель Вигберт Граберт, основал «Семинар Туле». «Семинар Туле» издает журнал «Элементы». Главным его редактором является Пьер Кребс, среди сотрудников и авторов были такие люди (французы, немцы и ан-

гличане) как Алан де Бенуа, Гийом Фай, Роберт Хепп, Жюльен Фройнд, Майкл Уокер и Зигрид Хунке и многие другие. Кребс также является членом неоязыческого объединения.

В 2003 году Кребс основал издательство editio de facto.

Новая школа европейского мышления

Столкновение ценностей

Наша эпоха находится в кризисе. Все же, сами по себе кризисы не представляют собой ничего нового: ибо мир находится в кризисе с тех пор, как сам мир существует. Кризис – это элементарный закон жизни. Если кризис воспринимается как вызов, он поощряет энергию вместо того, чтобы ограничивать ее, активизирует предприимчивость вместо того, чтобы нейтрализовать ее. Разумеется, кризис сегодня больше не воспринимается как вызов, а как фатальность; как статус-кво, который неизбежно тяготеет над мировым процессом. Диалектика, кажется, сменила полярность: раньше человек встраивался в вызов, который бросал ему кризис. Другими словами: человек определял самого себя относительно возможных изменений, которые могло бы вызвать его влияние на кризис. Он определял самого себя относительно преодоления кризиса, т.е. относительно мира, который возник бы после кризиса. Сегодня же, в отличие от этого, человек, кажется, определяет себя относительно кризисного состояния; то есть, он ищет уместные средства, чтобы удобно устроиться в кризисе вместо того, чтобы справиться с ним и преодолеть его. Вчера человек находил в кризисе причину своих действий, своего участия, своей воли к власти и самоутверждения. Кризис, так сказать, обязывал судьбу человека, вынуждая его к реакции и заставляя его создавать ценности, из которых могла возникнуть новая судьба. В противоположность этому сегодняшней человек, по-видимому, находит в кризисе причину своей пассивности, своего отречения, своего безразличия. В этом и кроется принципиальное различие. Но также изменились и природа и исход кризиса: а именно, мы в первый раз вступили в век равенства, о котором хлопчут на всех культурных уровнях, на всех осях мышления, во всех частях этого мира. В первый раз движение за равенство приняло всемирный масштаб. Оно непосредственно угрожает идентичности всех народов Земли. Одновременно страстно желающее безопасности и стабильности общество последних людей (ср. Ницше) впервые перед всем миром поставило риск вне закона. Поэтому человек может видеть в кризисе только лишь безумную матрицу, родную почву всех его поражений и отказов, всей его приспособляемости и подлости. На этом, несомненно, основывается эгалитарная буржуазная общественная форма, кото-

рая меняет силу на безопасность, чувствительность на разум, готовность действовать (что означает веру) на планирование (что означает закон).

Ни в чем не нуждается человек, который живет самостоятельно

Тем не менее: кто же вызвал эту переоценку, если не человек? Кто вызвал это безразличие, если не человек? Кто породил это пораженчество, если не человек? Из чего произошли проблемы, из которых возник кризис, если не из человека? Насколько долго человек готов верить в неотвратимость этой фатальности, настолько же долго он останется объектом и предметом кризиса, будучи не в состоянии снова укоренить свою идентичность, неспособный черпать в своей органической принадлежности силу для борьбы с универсализмом. Если он предпочтет поддерживающую безопасность возвышающему риску, механизмирующую рациональность активирующей чувствительности, нивелирующую приспособляемость личностному участию, то он останется «демобилизированным», но одновременно эксплуатируемым человеком в построенном на выгоде, потреблении и рентабельности обществе. В противоположность этому: ему нужно только поверить в то, что эта фатальность не является таковой, что универсализм не является категорически окончательным, что коммерческий либерализм – не неизменен, чтобы снова черпать то, что никогда не упускалось за время его владычества и его величия; просто потому, что ничто не ускользает от человека, который живет самостоятельно, своими силами и не подчиняется навязыванию себе чужой воли.

Мы призываем к культуркампфу

В этом смысле наша Новая Школа призывает к культуркампфу, культурной борьбе, что значит к тотальному наступлению живых сил наших идей против всех тоталитарных проявлений учения равенства, того спрута, который принесит мягкую, невидимую, лишённую запаха смерть от имени гуманизма и счастья; этого спрута, который так же распространяет свои щупальца, как злокачественная опухоль свои метастазы; спрута, который выгрызает народы изнутри, меняя их душу на обманчивую надёжность материального одностороннего благосостояния, их силу на отчуждающую безопасность деполитизации и отречения. Наша Новая Школа призывает к культурной борьбе, так как 2000 год как основное звено двух тысячелетий станет, без сомнения, также распутьем двух мировоззрений: универсализма или этноплюрализма, учения равенства или учения дифференциации, приспособляемости к процессу нивелирования или права на различие.

На пороге двадцать первого века мы хотим возвестить о новом веке ценности и культуры.

Мы призываем к мужеству и риску

Итак, сегодня сопротивление означает новое определение идей для повторного открытия ценностей, означает вооружение интеллекта для мобилизации сознания, оказывается организацией знаний и перевооружением воли. Сопротивление в этом смысле означает способствовать Европе в получении большей силы, с которой она завтра сможет бороться за еще более великую судьбу (1). Мир изменяется через идеи; по меньшей мере, через те, которые получили укоренение в мифах, и которые распространяют мыслители, способные одновременно быть борцами и посланниками. История идей показывает, что вся история Европы сформирована одним лишь столкновением ценностей, «войной богов», конфликтом между прогрессирующим христианско-морфным сознанием и языческой душой. До Ницше европейцы еще не в полной мере осознавали эту «метафизическую» войну. «Семинар Туле», как Новая Школа европейской культуры, призван к тому, чтобы – в тесном сотрудничестве со всеми духовными кругами в Европе, которые выступают за Новую культуру – по ту сторону устаревших стереотипов (они могут нести клеймо социал-демократии, либерализма, коммунизма, иудо-христианства или «американского способа жизни») принять образующиеся общины «антикосмополитов» и «антимондиалистов», т.е. всех тех, которые слева и справа отвергают культурное разложение и расовый упадок Европы. Речь идет об исторической борьбе за восстановление общей родины: будущей Европы.

Боевой дух

Революционное движение исходит из объединения идеи, воли, стратегии, а также обязанности. Так как без идей, которые охватывают мир, жизнь и мировоззрение людей, нет альтернативы.

Без воли к действию и активному участию – с ответственностью и жертвами, которые обуславливает такая воля – не может быть революции.

Без стратегии, которая эффективно применяет и распространяет эти идеи, не может быть завоевания.

Эту необходимость осознавал Ленин, когда говорил: «Без революционной теории не может быть и революционного движения».

Внимательные наблюдатели наших действий, остроумные критики нашего мировоззрения в своих многочисленных попытках определить «Семинар Туле» использовали выражение «лаборатория идей». Это выражение не однозначно. Оно справедливо при условии, что эта «лаборатория» рассматривается как встроенная в живую, представляющую наши идеи общность (растущее число наших членов, сочувствующих и читателей), и что за идеями, на которые мы опираемся, признается одно единственное измерение, которое их узаконит, а именно, революционный тигель, в котором они принимают форму, и внутри которого они побеждают. Николай Грундтвиг высказал убеждение: «Мы хотим производить не ученых, а живых людей, которые смогут играть решающую роль в большой освободительной борьбе народов». Жюльен Фройнд в той же самой связи напоминает: «Идеи только тогда становятся ценностями, когда они подтверждены опытом, жизнью людей. Хотим ли мы этого или нет, история учит нас, что общество – это не голое скопление отдельных жизненных процессов, а ткань взаимосвязей, у которой есть продольные и поперечные нити, это значит иерархические и эгалитарные отношения. Если продольные нити однажды будут порваны, у поперечных нитей больше не будет основы, и ткань обтреплется. Без иерархии распадается ценностное устройство, декадентское общество подобно обтрепанной ткани. Чтобы выйти из упадка, нам нужно заново открыть искусство политики, которую Платон обозначал как «ремесло благородного ткача»». (2)

Пьер Виаль со своей стороны снова и снова указывает на один из самых великих уроков: сначала нужно посеять идею, чтобы потом собирать урожай из действий. Идея приоритетна. «Великие перевороты истории подготавливались интеллектуалами, это значит – людьми, которые чувствовали себя призванными к тому, чтобы думать и также распространять эти свои мысли; собственный мир идей и их распространение считались для них естественными. Следовательно, слова «Без Маркса не было бы Ленина» – вполне логичное высказывание... Поэтому излишне особо подчеркивать, что наше задание лежит в области идей – разумеется, как основы для исходящего из них действия». Уже история церкви укрепляет нас в этом представлении: «Тот, кто подтрунивает над идеями или сомневается в их действенности, должен задуматься над следующим: Со своей «великой мудростью» церковь поняла (в то время, когда она представляла собой лишь небольшую общину в Римской Империи), что сначала ей нужно завоевать на свою сторону головы, чтобы потом однажды получить в свои руки все общество и сформировать его согласно своей точке зрения. Церковь в такой большой степени осознала решающее влияние идей, что она обеспечила себе исключительное преобладание в духовной жизни людей на тысячу лет». (3)

Таким образом, эта «лаборатория» не является ни асептической в своих намерениях (культурном перевороте), ни нейтральной в своих целях (политическом

возрождении). Активно действующая «лаборатория» с имеющими конкретную цель идеями: это определение, наверное, наиболее удачно описывает «Семинар Туле».

Как в наших публикациях, так и в связи с нашими докладами и семинарами мы снова и снова подчеркиваем, что наше мировоззрение – это больше, чем просто идеология: оно соответствует системе основных ценностей, которые тысячелетиями живут в европейских народах. Сегодня мы, выступающие за них, – меньшинство. Если мы и все, кто родственен нам по духу, не добьемся успеха, то историческая действенность остановится. Следовательно, участие, о котором идет речь, имеет историческое значение в современном обществе.

Мы приходим от народов «Илиады» и «Эдды», не от народов Библии; когда осознание этого, наконец, победит, произойдут решающие изменения. Именно историки все больше соглашались с тем, что расцвет европейской культуры на всех уровнях происходил не из-за, а вопреки христианству. Внедрение христианского мировоззрения долго терпело неудачу от уверенного в себе сопротивления языческих народов. Только благодаря продолжительной деятельности синкретизма, которая достигла своего полного значения лишь в начале Нового времени, монотеистическое учение о Спасении смогло победить, частично искажив языческий склад характера вплоть до неузнаваемости. В действительности иудейско-христианский эгалитаризм нанес глубочайший ущерб динамике и исторической силе Европы, прежде всего, своей секуляризацией, происходившей преимущественно в Реформации и Контрреформации, Английской революции в семнадцатом веке, марксизме и либерализме в девятнадцатом и двадцатом столетиях. И левые, и правые принадлежат к этому идеологическому комплексу. Мы выступаем за возобновление действия европейского язычества, за оживление европейских ценностей, которые после продолжительного процесса подрывного внедрения были вытеснены содержанием раннего христианства и его светского преемника, эгалитарного индивидуализма.

Наша Новая Школа стоит над правыми и над левыми, так как наш антагонизм к эгалитаризму радикален и обширен. Мы хотим чего-то принципиально иного, мы преследуем совершенно другую жизненную цель. Разногласия социал-демократов, либералов, коммунистов, христианских социалистов относятся только к виду применяемых ими общественно эффективных средств (практике), с помощью которых должен осуществляться один и тот же проект (универсальный, индивидуалистический и т.д.) и они повинуются одной и той же интерпретации мира – даже если ее формулировка в зависимости от «семьи» различается. Мы же не имеем ничего общего с другими идейными направлениями относительно ценностей, т.е. сути. Мы другие.

Наша Новая Школа обращается ко всем людям нашего народа, так как она – по словам итальянского теоретика Антонио Ромуальди – воплощает «сознание Европы», сознание его единства и интеллектуальное, духовное, этическое оружие, которое будет содействовать Европе в отвоевании своей независимости. Многотысячелетняя европейская культура коренится в единственном народе, который гомогенен в своих главных чертах, однако, в высшей степени разнообразен в формах своего проявления. Народы латинского, эллинского, испанского, германского, скандинавского, кельтского и славянского происхождения – это все наследники одного и того же антропологического, культурного и лингвистического корня, как это подтверждает современная историческая этнография. Этот «корень» происходит из слияния так называемого «индоевропейского» народа с местным, антропологически родственным населением, которое было распределено тогда по европейской земле. Индоевропейцы – названные так, потому что они спустились с крайнего конца Европы до индийского субконтинента – придали всем европейским народам свое ощущение смысла, свою культуру, свой язык. Европейские народы с начала своей истории обладают одним и тем же культурным, языковым и антропологическим фундаментом. Очень рано появившиеся дифференциации соответствуют сравнительно столь же многим мелодичным линиям в одной и той же симфонии, столь же многим фигурам на одной и той же фреске. Римские и скандинавские боги родственны. Греческий и немецкий языки выражают каждый своим способом подобный духовный вид, а именно через синтаксические и лексические структуры, которые свойственны также латинским и славянским языкам. Разнообразие в единстве, множество в богах и ценностях внутри одного и того же сакрального образуют центр тяжести индоевропейского наследия.

Наше мировоззрение, стало быть, выступает не против одной идеологии современного духовного ландшафта, а против всех. При этом она преследует три основные цели:

1. Дать интеллектуальное объяснение мира, человека, общества, истории, которое соответствует нашим ценностям и нашему методу работы, причем он более обширный, более полный, более связный, чем метод работы существующих идеологий. Речь идет не о догме, а об открытой, постоянно развивающейся системе. В этом мы отличаемся от марксистов, либералов или христиан. Мы хотим обладать преимуществом объясняющего мир ключа, не будучи при этом вынужденными прибегать к догматизму или бегству от действительности.
2. Нашу теоретическую систему нужно приравнять к наглядному показу наших ценностей, которые со своей стороны только частично обосновываются рационально. Наши ценности остаются неизменными, даже если наши идеи трансформируются; так как идеи являются тактическими, всегда улучшаемыми сред-

ства, чтобы воплотить ценности. Исходный пункт нашего мировоззрения – это признание реальных основ жизни, как их наглядно показывают нам наблюдение, здравый смысл или естественные науки: выходящий из берегов неукротимый поток силы жизни, его обусловленная судьбой, сформированная опасностью сущность, которая действует в открытой и закрытой иерархии, присущее ей направленное на развитие движение, кризисы и нарушения равновесия, дающие ей повод для развития постоянной прочности, постоянное становление и борьба, которой эта сущность обязана своим началом.

3. Наша идеологическая позиция облегчает нам это задание, так как мы следуем системе ценностей, которая отходит от обычных разделений на левых и правых, на науку и природу, биологизм и культурализм и т.д. Мы выступаем, к примеру, одновременно за технические новшества и за укоренение в традиции, за частную экономическую предприимчивость и за приоритет политической власти над экономикой. (4)

Различные формы проявления неудачной системы мира

Учение равенства, кроме всего прочего, распространяется иудохристианством, неомарксизмом, Франкфуртской школой, фрейдистским христианством, неофеминизмом в духе Кейт Миллет, идеологией прав человека, либеральным капитализмом и «American Way of Life», архитектурой стиля «Баухаус», неформальным искусством, философскими теориями индивидуализма, политическими теориями государства как «ночного сторожа», педагогическими теориями бихевиоризма, теориями универсального гуманизма, нравоучительными химерами «всемирного сознания», юридическими теориями естественного права, нивелирующими теориями, убивающими народы. Мировоззрение дифференциации, на которое мы ссылаемся, «старше»: оно основывается на психической, культурной и исторической типологии первоначальных индоевропейских народов.

Но мировоззрение дифференциации также и «моложе», а именно там, где оно опирается на современные естественнонаучные достижения: на сведения генетики населения до познаний хромогенетики, клеточной биологии мозга и этологии. А также там, где оно опирается на философские или этические соображения, которые стали вехами в истории человеческого мышления: от Платона до Конфуция, от номиналистической философии до мистицизма Майстера Экхарта, от Ницше до Хайдеггера, или же на социобиологический анализ Макса Вебера, Парето, Карла Шмитта или Хельмута Шельски.

Учение равенства предлагает редукционистское мировоззрение (объясняющее сложные явления более простыми законами): народы, которые погибают в

панмиксии (всеобщем всемирном смешении), упрощаются до утопической стандартной модели возможно более гомогенного человечества. В то же время этот редуccionизм ведет к суживающей точке зрения на отмеченный в природе и жизни плюрализм: культуры должны нивелироваться, их различия сглаживаться; одним словом: различие оказывается вне закона. Мы убеждены, что эта точка зрения патологическая, поскольку она борется с полиморфизмом (т.е. с многообразием) природы, сущностным разветвлением жизни на всех ступенях и во всех порядках. Если же как раз все равно всему, то больше нет ни верхнего, ни нижнего, нет никакой мотивации для верхнего, нет никакого сопротивления против нижнего. Теперь слабый и сильный, глупый и умный, делец и усердный, трус и смельчак обладают одинаковой ценностью, или скорее один объявляет другого недействительным. Эгалитарный дискурс, таким образом, удерживает природу в плену абстракции, культуру в отчужденности, жизнь в догме, человека в индивидууме и в индивидуализированной человеческой массе, народ в человечестве.

В противоположность эгалитаризму учение дифференциации не выводит происхождение человека ни от монотенизма (однократность творения), ни от монотеизма (однократность Бога). Оно не делает разделения между его этническим и его метафизическим происхождением. Оно не производит разлом – ни на уровне происхождения, ни на уровне становления: человек развивается в той культуре, которую он производит. Учение дифференциации определяет будущее человека не по ту сторону его происхождения, а исходя из его корней. Следовательно, учение равенства – это учение разлома. Учение дифференциации, напротив, имеет своей целью связь: оно рассматривает как раз биологическую, историческую и культурную матрицу человека, т.е. его органическое измерение вообще, которое нельзя сократить ни до какой догмы, так как ее нельзя отделить от биокультурных фактов. Культура хотя бы потому абсолютизирует инобытие, что в этом мире нет единой культурной системы отсчета для всего человечества. Культуры – это выражение духовной жизни народов, самое сильное, самое однозначное доказательство их различного гения и лучшие гарантии их способности к продолжению истории. (5)

В полном противоречии с политеистическим мировоззрением, все выходящее из монотеистического дуализма идеологии основывается на представлениях о таких ценностях, которые выдвигают требование абсолютного, универсального и окончательного. Из этих источников, следовательно, берут начало политический произвол, нетерпимость и тоталитаризм. Они обуславливают девальвацию родины, кровных связей, общностей, самоопределения.

Вне связи дуализм-рационализм эгалитаризм на практике невообразим. Жак Марло в этой связи замечает, что вливаемая на протяжении двух тысячелетий в

европейский дух рационалистическая идея «основывается на дуализме: между рациональным принципом, организующим Верхний, потусторонний мир (логос), и миром, нашим существующим миром, понимаемым как временный беспорядок, которым логос владеет, направляет и, возможно, с помощью морали (логос очеловечивает через освобождающий грех) снова примет его в свою среду. Все рационалистические, идеалистические и теистические идейные системы возвращаются к этой схеме. Сократ, Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Декарт, Руссо, Кант, Гегель, Маркс и Огюст Конт сформулировали разные варианты этого логос-идеалистического дуализма». (6)

Христианство по-прежнему остается «ключевым звеном» в этой связи. Секуляризация, начиная с кальвинизма и лютеранства, и заканчивая Критической теорией Франкфуртской школы (антиреволюционные неомарксисты), была сама подготовлена христианством, которое захотело призвать метафизические идеалы, с которыми христианин находился в связи как с «внемирским индивидуумом», с небес на землю для изменения последней. Христианский принцип, согласно которому человек, принимая во внимание будущее Царство Божье, должен искать личное спасение, превратился в господствующих идеологиях (либерального космополитизма или социалистического или марксистского интернационализма) в желание осуществить индивидуальное счастье, большей частью понимаемое как экономическое благосостояние. У христиан «разум» считается наследником природного порядка и божественной воли. Следовательно, целью, поставленной обществам, является рациональное осуществление индивидуального счастья. Все системы учений современности в этом совпадают. За исключением нашей.

Этот вид рационализма, этот применяемый только на службе исключительного стремления к индивидуальному «счастью» разум («рацио») воздействует катастрофически, так как возможное только как мысль и, кроме того, ограниченное экономическими и социальными формами осуществление индивидуального счастья разрушает все высокое и святое. От марксизма до социального христианства, от либерализма до социал-демократии, всюду эгалитаризм во всех формах своего проявления представляет эту неудачную систему мира. Мы же, напротив, подчеркиваем, что человек является придающим миру смысл и господином форм внутри обусловленного судьбой, опасного мира, всегда новое преодоление и одновременно совершенствование которого является нашей задачей. Это стремление к возвышению существования, это понятие «сверхчеловека» полностью противоречит индивидуалистическому гуманизму. (7)

Слово в защиту политеистической философии

Мы хотели бы подчеркнуть: культура хотя бы потому абсолютизирует инобытие, что не существует единой культурной системы отсчета для всего человечества в этом мире. Также Режи Дебре правильно констатирует, что «не существует универсальной, всеобщей группы, как и универсального языка. Но все люди при рождении получают способность говорить, и все группы получают при их создании способность верить. Способность говорить не обуславливает, что каждый говорит на волапюке или эсперанто; способность верить не обуславливает единственную всемирную религию. Это лишь значит, что каждая общая структура может верить или призвана к особенной религии». И Дебре напоминает о словах Хомского, что «все, что отличает людей друг от друга, интересует их больше, чем то, что у них общее». (8)

Гийом Фай со своей стороны страстно борется с убеждением, согласно которому «технологическая и естественнонаучная динамика основывается-де на унификации земли к одной расплывчатой сети. Как в биологии и в кибернетике гомогенизация с определенной пороговой величины переходит в обратный процесс. Организм разрастается подобно раку и становится уязвимым, так как у него есть только один единственный тип поведения, лишь единственный запрограммированный ответ на вызовы. Большие человеческие воплощения, впрочем, никогда не были произведением всего человечества, но отдельных народов, которые поощрялись в соревновании с другими. Техническая динамика, культурное богатство и культурная творческая сила возможны только в расколотом мире, где каждое большое этнокультурное единство развивает свой собственный путь, свою собственное производство и свое собственное потребление. Происходящая теперь идеологическая, политическая и техническая унификация земли ведет человечество к чему-то вроде тепловатой гипертрофии, где «прогресс» в действительности означает «регресс». Существование человечества зависит скорее от продолжения существования его различий, его внутреннего политического или экономического соревнования. «Мы выступаем за гомогенную модель гетерогенных народов (а не наоборот). Это предпосылка к уважению других, к сосуществованию, к взаимному обогащению псевдообщего человечества, которое обеспечивается одной единственной всемирной коммуникативной сетью, унифицированным языком и широкомасштабным, безграничным обменом (так что никто больше не может общаться!). Этому мы предпочитаем отдельные, разные народы, ограниченный обмен, многообразные языки, чтобы смогли появиться настоящие связи и взаимообмен между отдельными культурами». (9)

Астрофизика и биология свидетельствуют, что мир не знает неповторимой, неограниченно господствующей нормы. Мир – это скорее место неопределенного количества противоречивых логичных систем мышления. Все значительные естественнонаучные мыслители нашего столетия, например, Вернер Хайзенберг, Карл Поппер, Луи Ружье, и прошлого времени, среди прочих, Лейбниц или Гюстав Ле Бон, потрясли веру в рациональную волю, лежащую в основе существования мира. Хайзенберг, Кёстлер, Моно признавали, что «внутренняя часть мира не показывает даже самого незначительного следа такой воли». Скорее, в нем наличествует «многослойное взаимное «перекрытие» противоположных систем, которые сосуществуют в иерархическом, относительном равновесии. Планетное равновесие – это одна из этих систем, атомный порядок материи, на микроскопическом уровне, – другая. Органический мир обладает своими собственными основными законами, которые навязываются ему законами физического мира, и духовная область превосходит обе другие, не становясь при этом независимой от них, как это отчетливо представлял философ Николай Хартманн». (10)

Патрик Труссон (Nouvelle Ecole, зима 1985-86, стр. 26-45) снова подхватил вопрос о представлении мира в рамках физики и привел решающие доказательства. Сначала Труссон обнаруживает революционную точку зрения нескольких исследователей, например, Люсьена Романи, Стефана Люпаско, Фритьофа Капры и Жана Э. Шарона. Романи подтверждает непрерывность материи, снова возвращая в научный оборот понятие эфира. Эйнштейн осознанно оставил без внимания это понятие в своей теории, когда он рассматривал «искривление космического пространства». Согласно Романи, эфир не был устроен ни атомарно, ни молекулярно, а состоит «из непрерывного, в разные стороны растяжимого куска и может, таким образом, переносить все волны». Эфир – это, так сказать, материя. «Мировоззрение Романи», замечает Патрик Труссон, «родственно тем, которые достались нам из самых древних европейских традиций. Наши основополагающие мифы о создании мира, будь то греческие, кельтские или германские, представляют нам мир именно как единое целое, в котором боги и люди в какой-то мере однородны. Гипотеза Романи предлагает похожую точку зрения: общая основа, основной эфир, и разные формы для «отдельных материальных предметов – вихри эфира и радиоволны – причем целое и части однородны».

Николеску считает, что природа производит свое собственное единство. «Мы понимаем мир скорее как систему соединений, связей и событий, чем, все же, как систему отдельных предметов. Мир, природа – это глобальное единство, и каждая часть ощущает, что происходит в остальных частях вселенной. Неотъемлемость характеризует основной уровень». Николеску без опасений ссылается на таких философов, как П.Д. Успенский и Г.И. Гурджиев – и даже на немец-

кого мистика Якоба Бёме, который еще в семнадцатом веке выразил убеждение, что всеобъемлющее является одним. Николеску осознает «существенную связь между наукой и европейским мировоззрением» (Труссон). Формулируя далее гипотезу, что мир обнаруживает больше измерений, чем четыре, которые характеризуют нашу обычную связь времени и пространства, Николеску отвергает точку зрения линейности (прямолинейности) на время и историю: «Не было никакого «раньше» и никакого «позже» в обычном смысле», комментирует Труссон. «Продолжение было лишь аппроксимацией. Также и здесь снова проявляется первоначальная европейская традиция, так как она никогда не рассматривала время, и, таким образом, и историю, в качестве чисто линейного и непрерывного».

Знаменитый мистический закон троичности (к которому особенно был привязан Якоб Бёме: мир огня, мир света, порожденный мраком и светом внешний мир) становится у Николеску законом формы или структуры. Также у Жоржа Дюмезиля можно увидеть это, когда он обнаруживает функциональное деление на три части в рамках индоевропейской идеологии. И тем же законом пользуется Стефан Люпаско в области физики и биологии, когда он приводит доказательство, что основное свойство энергии – это ее антагонизм (ее противоположность). Это решающая констатация, так как она наилучшим образом подтверждает то, что снова и снова утверждало европейское язычество: мир одновременно – един и разнообразен, что бы нам ни внушали постоянно рационализм и дуализм. Жак Марло называет это обстоятельство полемологическим монизмом; и это понятие в значительной мере совпадает с законом энергетического антагонизма Люпеско.

Патрик Труссон делает из этого следующий вывод: «Жизнь возможна только там, где есть различие, многообразие, неоднородность. Порядок, соотношения, иерархия – это необходимые условия для появления живого. Старение и смерть наступают тогда, когда гомогенное постепенно вытесняет гетерогенное. Параллель с традиционным учением очевидна. Живые системы, физическая теория информации и гипотеза Люпаско доказывают, что передача информации, т.е. воспитание и культура, может происходить только в разнообразной и в то же время упорядоченной структуре. Если бы все было нивелировано, сглажено, унифицировано, уравнено, гомогенизировано, тогда у самого понятия информации больше не было бы смысла. В дальнейшем эти (дифференцированные и упорядоченные) живые системы проявляются только как результат борьбы – борьбы между гомогенным и гетерогенным, между беспорядком и порядком, между импульсивным и обдуманым. Уже греки схематизировали эту точку зрения на природу, оставив нам историю о вечной борьбе между Дионисом и Аполлоном».

Такие естественнонаучные рассмотрения, в частности, о физике, предлагают нам великолепное, пожалуй, самое умное средство для повторного отвоевания идентичности. Также в Nouvelle Ecole (стр. 44) физик Анна Жобер пишет: «Выбор науки является выбором нашей идентичности. Мы должны признать эту науку, назвать которую европейской некоторые боятся, так как они хотят видеть ее как всемирную (один из видов ее отрицания). Это, возможно, цена нашего будущего: признание нашей науки может уберечь нас как от нигилизма, так и от идиолатрии. Очень тонкая грань проходит между этими обеими пропастями, и мы поставлены на карту».

И это – великолепное соответствие с антирационалистическим и антидуалистским взглядом на жизнь язычества, которое видит в мире непостоянное, антагонистическое равновесие напряжений, поле постоянно противостоящих друг другу сил, которые разделяются друг от друга и друг с другом в зависимости от их сродства, взаимодополняемости и вражды». (11)

Но также и физика собирается отделиться от рационалистических, догматических и редукционистских логических схем. Теперь она отходит от «догм», как пишет Труссон, «и ищет воззрение настоящего, которое не является метафизическим и «рациональным». С исследованиями о симметриях в природе, с гипотезой bootstrap («вселенная – как связь взаимоотношений») и гипотезой основополагающего эфира, с энергетическим антагонизмом Люпаско она нацеливается на другую область реального, на «нерациональную» и духовную область. Укорененная в культурной традиции Европы, современная наука способна захватывать новые области знания. Благодаря Романи, Николеску и Шарону мы узнаем основную связь между человеком и космосом: они однородны в их сущности».

Языческое мировоззрение понимает народы и культуры, мирское и святое аналогично: в нем «биокультуры» воспринимаются как «силовые поля», мифы как «предпочтительные формы выражения этих ценностей». «При этой номиналистической точке зрения религиозные и идеологические убеждения относятся к тем «дериватам», которые, по В. Парето, основываются на органически несокращаемых «остатках»». (12) Другая форма понимания однородности человека и космоса.

Уже пора забыть принципы Франкфуртской школы, и заняться, наконец, политической философией, которой чуждо представление об абсолютных принципах: решительно политеистической философией.

Новые боги стоят перед нами

Жак Марло составил наглядный список всех великих европейских мыслителей, которые с древности и в различной мере принадлежат к номиналистическому течению. Среди них находятся Гомер и Гераклит, Эсхил и Эпикур, Лукреций и Марк Аврелий, Иоанн Росцелин и Майстер Экхарт, Рабле и Монтень, Макиавелли и Шекспир, Вико и Гердер, Гёте и Ницше, Клагес и Дильтей, Шпенглер и Парето, Николай Хартманн и Арнольд Гелен, но также и Карл Шмитт и Эрнст Юнгер, Монтерлан и Клеман Росссе. Мы могли бы пополнить этот список, среди прочего, Уильямом Окамом, Жозефом де Местром, Мартином Хайдеггером. Столкновение язычества и монотеизма становится очевидным, если знать о непримиримости политеизма и дуализма: миф или логос, это значит творение судьбы или слепое связывание с неизменным законом. Оба мировоззрения уже два тысячелетия в европейской интеллектуальной жизни спорят друг с другом. Тем не менее, метафизическую, радикальную борьбу между язычеством и христианством, ее напряжения и воздействия можно заметить в двусмысленности (двусмысленности) некоторых авторов, которые хотя и считаются христианами, но обнаруживают языческую основу их мышления, при том условии, что их исследуют с необходимой серьезностью. В своем превосходном труде «Собственная религия» Европы Зигрид Хунке обнаружила языческую основную мысль, которая пронизывает всю европейскую историю, от Гераклита до Пелагия, от Иоанна Эриугены до Николая Кузанского, от Джордано Бруно до Гёте, от Гёльдерлина до Рильке. Особенно четко выражена эта двусмысленность у Майстера Экхарта, «номиналистический монизм» которого (Бог появляется только там, где творения его называют) непримирим с идеалистическим дуализмом другого христианина, Блаженного Августина, который постулировал преимущество Царства Божьего перед всемирным государством, или с таким же дуалистским рационализмом Фомы Аквинского, который узнавал трансцендентную, универсальную причину (*prima causa*) мира и мышления в Боге». К этой рационалистической дуалистской схеме мышления принадлежат – при всех отклонениях – также «атеистические, деистические или христианские» наследники Сократа, идет ли речь о Руссо или о неомарксистах, например, Адорно и Маркузе, или также о кантианском морализме, гегельянском историцизме или сциентизме Огюста Конта. (13)

Теперь миф представляется присущим человечеству. Ив Кристен поэтому определяет Homo sapiens, человека разумного, как «захватывающего, создающего миф примата». (14) Таким образом, возврат к языческому сознанию мог бы оказаться решающим для будущего, он был бы в состоянии дать новый основополагающий миф о создании, в котором так сильно нуждается европейская культура для своего возрождения. Такому развитию благоприятствуют исключитель-

ные потрясения, которые нанесли дуалистическим теориям современная наука и технология (от физики до молекулярной генетики). Поэтому язычество несет в себе возрождение самого естественного европейского духа, политеистического и многослойного духа Гераклита, Гёте, Ницше или Хайдеггера.

Языческое божественное образует, пожалуй, антимир христианского. Последнее нельзя понять иначе, как через абсолютистский закон далекого от времени и мира тиранического Бога, собственно, «террористического» Бога, когда он подавляет людей вездесущностью своих законов и упраздняет при этом сакральное. Напротив языческое святое возвышает людей в тех поступках, которые они свободно решили совершить, и за которые они могут ответить. Языческое святое обращается к памяти с языком будущего; оно не является ни окаменевшей традицией, ни безграничной химерой, а скорее «возрождением и превращением богов, которые выступают из будущего, чтобы призвать народ». «Перед нами, европейцами, как и перед другими народами, стоят боги, новые боги» (14). Собственно, языческое святое – это внутренний призыв к греческому, укорененному в нашей памяти «стань тем, кто ты есть». Это «стань тем, кто ты есть» – краеугольный камень нашей истории; оно должно стать несущей колонной нового порядка. На семнадцатом коллоквиуме GRECE Ален де Бенуа объяснил: «Мы предпочитаем ошибочным представлениям о «естественном порядке» или об «универсальном порядке» возможность вызвать тот порядок, который мы захотели и приняли решение. В отличие от представления, что каждый человек – это Бог или каждый человек – это раб Бога, мы решительно утверждаем, что у людей сегодня и всегда, и сегодня больше, чем когда-либо, есть долг принять будущих богов».

Мы сразу понимаем чрезвычайную возможность, которую открывает язычество: а именно, возможность активного гуманизма, который стимулирует к самопреодолению, к постоянному перенесению дальше интеллектуальных и духовных границ, к тренировке творческих свобод и основополагающих решений. Другими словами: язычество дает ответ на тот вечный вопрос, который ставит человека перед дилеммой истории, а именно: продолжать ли историю и вместе с тем придавать жизни смысл, создавать судьбу, либо удерживать статус-кво догм, выходить из истории и с этим неизбежно вступать в область заката и смерти. Этот основной вопрос задает Ив Кристен в его необычном труде *L'homme bioculturel* («Биокультурный человек», Монако, 1986, стр. 173 и дальше): На распутье наше общество должно задуматься над своей судьбой. Оно должно знать, во что оно может развиваться и куда должно идти. Оно должно знать, должно ли оно «продолжать большое приключение эволюции в его исторических и современных аспектах, которое ведет к большей многослойности и различию, к продолжению определенного, характеризующего прогрессивные технологические общества состояния риска». Уже Освальд Шпенглер («Годы

решения», Мюнхен 1933, стр. 11) характеризовал рассматриваемого в этом плане человека, как того, «кто на что-то решается, у которого есть мужество видеть и воспринимать вещи такими, какими они есть». Уже Гераклит понимал «конфликт» – следовательно, также и риск – как определяющее жизненное правило. Науки о человеке (среди прочего, Конрад Лоренц) подтверждают это представление и вместе с тем также сведения, которые были получены физикой в области законов об антагонизме энергии. Примечательно в этой связи, что все нехристианские взгляды на жизнь, от древних греков до индусов, в своей космогонии показывают эту определяющую жизнь полемологическую константу. Язычество приводит, таким образом, доказательство, что оно значительно быстрее и в большей мере способно оценить и применить естественнонаучные открытия, чем христианский догматизм, которому наука противоречит вплоть до самых дальних уголков его мышления. Наука объясняет действия, но молчит о причинах. Она ставит нас нагими и свободными перед нами самими, перед нашими решениями выбора и нашими обязанностями. «Так как мы не решаемся вступать в эру сверхчеловечества», пишет Ив Кристен, «мы снова стоим противостоим самим себе. Решимся ли мы на этот шаг? Если да, мы будем сами ковать свое будущее. Иначе будущее будет нас судить. Древняя проблема: нужно ли создавать монахинь или выносить их терпя? Лихорадочно метаясь между страхом и надеждой, мы, подобно детям, спрашиваем себя, проникнем ли мы в пещеру с сокровищами. Ужасное, великолепное мгновение. Решимся ли мы на это?» (стр. 173 и дальше). Язычество отвечает «да» от имени этого активного, более высокого гуманизма, который мы подробно представили в наших прежних публикациях и в наших докладах. Так, «волей к власти» мы называем тот факт, что каждое живое существо, каждый человек, каждая общность, каждый народ стремится развиваться в своей среде, чтобы поднять свою жизнь и жизнь своих потомков на более высокую ступень существования. Если эта интерпретация жизни призывает к постоянному преодолению человеческой обусловленности самим человеком, мы можем обозначить ее по существу как учение о «сверхчеловеке». Это учение религиозно в самом глубоком смысле слова, так как оно связывает сущность европейского человека с тем, что характеризует эту сущность во всем ходе истории: с этим «быть больше», которое содержится в искусствах, естественных науках, технике и завоеваниях Европы. Язычество открывает религиозный аспект будущего европейского возрождения. Знаменитая оценка Мадзини получает особенный смысл: «Республика, к которой мы стремимся, будет не только политическим событием, а большим религиозным прорывом».

Человек – это придающий миру смысл и господин форм

У жизни нет никакого другого смысла, кроме как совершенствовать саму себя; в мире нет более высокой ценности. Это человек своим выбором ценностей придает миру его смысл и помещает его в форму. Представленная нами интерпретация существования основывается (в противоположность толкованию эгалитарного мировоззрения) на добросовестном наблюдении за жизнью: ее движущие силы требуют, чтобы мы не только сохраняли наше существование, а, сверх того, увеличивали, возвышали жизнь в мире, каким он есть, признавая его законы и изобретая, возможно, новые «применимые» директивы (например, технику). «Мы» означает народ и традицию, которые достались нам как миссия, другими словами: европейский мир и, пока что, наша общность. (15)

Наша Новая Школа представляет культурное своеобразие Европы против произвола американских и советских блоков, о которых удачно выразился Хайдеггер: «Россия и Америка – оба, при метафизическом рассмотрении, одно и то же: злополучное безумство разнузданной техники и лишенной корней организации человека нормы». Герман фон Кайзерлинг обращался к этой однородности Америки и большевистской России уже в 1930 году. По его мнению, представляющий только один общественный орган «коллективный» человек отличается от американца, который посвящает себя социальной работе, лишь в том, что та же идея выражается на разных языках.

Наша Новая Школа хочет связать воспоминание о нашем самом дальнем прошлом с видом будущего, чтобы остаться верной тем трагическим жизненным законам, из которых всегда выростала Европа. Она снова хочет связать акт жизни с действием, жизненный смысл с риском действия, чтобы остаться верной этическим законам, из которых Европа всегда выводила свое право на существование и свою свободу. Она одновременно работает над сооружением науки, которая является фаустовской, и мифологии, которая больше не забудет своих истоков.

«Ошибка Маркса была в том, что он вместе с Гегелем верил, что начиная с определенного момента можно достичь такой ступени исторического становления, где прекращается история, где синтез невозможно остановить, где можно многообразное сократить до единственного. Соответственно этому он сформулировал диалектику, как христиане формулируют историю, а именно, чтобы довести ее к своему концу. Однако, для нас история всегда многозначна и многомерна. Она – лишь снова и снова примененная сумма сил, которые развивают люди и народы, чтобы управлять ими в или поворачивать их в бесчисленных направлениях, которые соответствуют их воле и их проектам» (Ален де Бенуа)

на вышеупомянутом коллоквиуме GRECE). Сегодня как никогда человек должен снова стать тем, кем быть он никогда не прекращал: придающим миру смысл и господином форм.

Метаполитика как военная школа идей

Активность наших идей хоть и включает непоколебимую верность ценностям и принципам, которые характеризуют наше мировоззрение, но одновременно предполагает методическую последовательность и деятельную ответственность. Метод или стратегия, настоящая военная школа культурного наступления, называется метаполитикой. Мы снова и снова подчеркиваем, что наши усилия по созданию и распространению идей и ценностей нужно приравнять скорее к исторической борьбе метаполитической сущности (чему-то вроде культурной и идеологической войны), нежели к чистой передаче знаний. Мы действительно хотим вернуть в историю подлинно европейские ценности и мировоззрение. Они в значительной мере были вытеснены эквивалентами, которые, на наш взгляд, ответственны за нынешний европейский декаданс.

Мишель Вайофф объяснил во время упомянутого коллоквиума: «Мы осознаем значение культурной силы и согласны в этом с Грамши. Речь идет не о том, чтобы подготовить захват власти политической партией, а о том, чтобы изменить образ мыслей, содействовать новой системе ценностей, за политическую реализацию которой мы, однако, ни в коем случае не отвечаем».

Но кем же был этот Грамши? Антонио Грамши, итальянец, родившийся в 1891 году на Сардинии, в 1911 году стал членом Социалистической партии, несколько позже перешел в Коммунистическую партию, получил в 1922 году членство в Исполнительном комитете Коминтерна, в 1924 году стал депутатом и в 1926 генеральным секретарем итальянской компартии. Запрет партии привел к интернированию Грамши на острове Утика, где он написал тридцать три так называемые «Тюремные тетради», постепенное распространение которых произошло уже после его смерти (25 апреля 1937 года). Однако большое влияние на стратегию левых и левоэкстремистских групп в Италии и не только их они получили только после 1945 года. «Тюремные тетради» – это результат мыслей Грамши о причинах неудачи левых партий в Италии двадцатых годов. Он поставил в них два принципиальных вопроса:

1. Почему сознание людей не соответствует их классовому самосознанию?
2. Почему верхние классы (меньшинство) могут господствовать над нижними классами (большинство)?

Из этих вопросов Грамши получает новое определение понятия идеологии, которое представляет собой исходный пункт того различия, который он делает между политическим и гражданским обществами. Под понятием «гражданское общество» Грамши охватывает как культуру, религию и мораль, так и их юридическое, корпоративное и организационное воплощение. Для него государство не ограничено политическим аппаратом. Государство правит благодаря своему авторитарному политическому силовому полю, однако, одновременно оно опирается на интеллектуальные, этические, традиционные ценности, которые одобряет, и с которыми согласно большинство граждан. Это Грамши обозначает как культурную власть государства. В противоположность Марксу, который ограничивает гражданское общество чисто экономическим базисом, в пределах которого борются друг с другом владельцы предприятий и рабочие, Грамши видит в гражданском обществе объединенные культурные, умственные и душевные основы, на которых основывается общее согласие (*consensus social*).

Большая трансформация коммунистов в Италии исходила из правильной констатации, что захват политической власти никогда не может удасться, если не захватить заранее культурные основы. Политическая революция всегда готовится в духе, путем продолжительного идеологического развития в рамках гражданского общества. Чтобы новое политическое послание смогло прочно обосноваться (деятельность партии), сначала нужно оказать влияние на образ мыслей и поведение внутри гражданского общества (метаполитическая или культурная деятельность). Политическое большинство опирается сначала на культурное, т.е. на идеологическое большинство. Для Грамши роль органически думающих интеллектуалов (в отличие от застывших интеллектуалов системы) состоит в настойчивом усилии завоевать то идеологическое большинство, которое сможет произвести захват политического большинства. Грамши предлагает образование так называемого авангарда духа, как основы для будущего авангарда политической партии. Органически думающие интеллектуалы преследуют цель вызвать переворот господствующих ценностей, чтобы получить возможность реализовать свои собственные воззрения. Следовательно, эти усилия должны завоевать обширное влияние, т.е. происходить на всех культурных уровнях, в поэзии, театре, народной музыке, кино, изобразительном искусстве, прессе и других областях.

Как уже неоднократно подчеркивалось (16), метаполитическая стратегия основывается на ясном понимании того, что профессиональная политика стала бесполезной, а именно по трем причинам, которые хорошо известны политологам и социологам. Во-первых, так как понимаемая в обычном смысле политика стала неприятным театром, причем усердная болтовня исполнителей давно потеряла свою убедительную силу; во-вторых, так как управляющие обществом решения сегодня в большинстве случаев имеют техно-экономическую и административ-

ную природу; в-третьих, так как мы ставим своей целью то, чтобы распространить такую систему ценностей, которая будет действовать длительное время, возможно, охватит несколько конкурирующих друг с другом идеологий и – если она созреет – будет, вероятно, делать это в таком мире, где современные политические учреждения (государство в современном смысле слова) больше не будут управляющими инстанциями.

И это означает ничто иное, что наши идеи и ценности нужно будет находить в конце метаполитической борьбы у *власти*, т.е. во всех социальных функциях. Они тогда образуют основу – возможно, конкурирующих – идеологий и отдельных позиций перед жизнью. Из истории западных обществ нужно вынести следующий урок: решающая власть не на спусковых крючках винтовок, она не профессионально-политической природы; она – власть духовного или культурного вида.

Метаполитика, впрочем, действовала уже задолго до ее теоретического формулирования Грамши. История наших народов усеяна, так сказать, метаполитическими «воронками». Тут достаточно перечитать историю христианства, которое с известным успехом вело настоящую культурную войну против греко-римских, кельтских и германских ценностей между вторым и десятым столетиями. Историк Альбер Матье пишет: «Настоящие революции, а именно те, которые переворачивают не только политические формы и правящий персонал, но и коренным образом изменяют учреждения и передают собственность – эти революции проходят медленно и невидимо, прежде чем они выходят на свет. Французская революция, к примеру, была в течение столетия, если не больше в состоянии приближения!» (17) Скрытыми силами, которые подготавливали эту революцию, были интеллектуальные круги, салоны, а также ложи и клубы. Это они перед свержением королевской власти заложили духовные и идеологические основы противостоящей силы, можно сказать, антиобщества. Они подрывали фундамент политической власти, захватывая в свои руки инфраструктуру культурной власти. Они манипулировали потоком общественного мнения; они манипулировали «современными» идеями и присвоили себе, в конце концов, власть формировать общественное мнение согласно своим идеологическим нормам и философским воззрениям. Они породили молчаливое идеологическое большинство, которое внутри политического большинства заботилось о создании все большей смуты, так как оно все меньше могло выдерживать эту новую социокультурную ситуацию. Гийом Фай видит только в метаполитике единственную возможную стратегию: «С точки зрения исторической социологии будущее принадлежит тем, кто изобретает сегодня новые формы акции и мобилизации, не поддаваясь надеждам на успех в средствах массовой информации или на выборах, которые ни в коем случае не отказываются от политического, но все же пренебрегают профессионально-политическими гонками, которые высказывают

свои убеждения, не обязуясь при этом ориентироваться на какой-либо партийно-политический центр. Они определенно на правильном пути: подобно тем интеллектуальным кругам восемнадцатого столетия, которые презирали общественные структуры Ancien régime, успешными, по всей вероятности, будут те политики, которые сегодня пренебрегают структурами профессионально-политического класса. Мы как раз не можем забывать, что и мы в данный момент находимся в «старом режиме»».

Первое метаполитическое воздействие наших идей уже нельзя не заметить. Мировоззренческие и культурные споры в Европе «больше не противопоставляют одних «левых» одним «правым». Они противопоставляют библеизм и неоязычество, космополитизм и укоренение в кровных связях, приверженцев и противников прав человека, «калифорнийцев» и «неоевропейцев». Представителей бывших «правых» и бывших «левых» можно найти в новых распределениях, которые перечеркивают старые профессионально-политические границы и более наполнены смыслом, чем традиционные идеологии. Они как раз и покинули сущность политического». (18) Метаполитика, кроме того, это попытка снова связать друг с другом политическое и религиозное, сущность мирского и священного. Мы должны снова включить в культурную и религиозную сферу специфические ценности индоевропейского мировоззрения (из всех периодов). Эти ценности не могут повлиять на политическую сферу иначе, чем глубоко и всесторонне. Как бы противоречиво это не казалось некоторым, но метаполитика, по сути, это возвращение к политическому через культурное.

«Семинар Туле»: партия духа

В то время, когда политические партии и группировки плодятся все больше, мы рассматривали в качестве веления времени создание партии духа – школы метаполитики. Эта новая мировоззренческая школа должна обосновать предстоящие культурные решения, из которых произойдут политические цели. В этом смысле группа молодых писателей, журналистов и ученых в июле 1980 года основала «Семинар Туле». Несколько лет энергичной борьбы, публикация четырех основных произведений, не меньше, чем двести докладов (в Германии, Австрии, Бельгии, Голландии, Франции и Швейцарии) намного превзошли ожидания, так как эта мировоззренческая партия уже выиграла свою первую значительную битву: а именно укрепление фундамента, на котором должна возникнуть Новая Культура.

Партия духа означает также партию определенной партийной позиции. Уже во втором издании журнала «Элементы» мы подчеркивали, что на трудности Европы мы отвечаем с необходимой предвзятостью ради ее же собственных интере-

сов. В общем климате идеологического безразличия, интеллектуальной несостоятельности, театральной болтовни и духовной смуты мы исследуем различия, по-новому определяем святое, разъясняем и подтверждаем своеобразие народов; мы работаем над путеводными решениями, которые никогда не поймет и не опровергнет никакой унифицирующий разум, так как они берут начало от целевой установки и необходимой для этого чуткости, корни которой проходят сквозь тысячелетия, в которых индоевропейцы отличались их фаустовским поведением. Это поведение основано на структуре ценностей, которая позволила им построить Пантеон, изобрести органическую демократию, основывать империи и сооружать соборы, установить право, создавать технику и дать ответы на вызовы, которые бросает последняя. Мы – провозвестники нового будущего Европы. Мы с полным воодушевлением посвящаем себя гигантским задачам этого столетия, из которого мы выйдем еще больше, еще сильнее, при условии, что мы хотим этого, и что мы разовьем для этого все неиспользованные силы Европы. От Парижа до Вены, и от Лондона до Мадрида мы уже работаем над следующими целями: культурное возрождение Европы; независимость ее политики, дипломатии и экономики; ориентация на неприсоединившиеся страны; культурная война против всех космополитических сил, лишаящих людей их корней (главный враг называется «American way of life»); союз со всеми силами третьего мира, которые борются с американско-советскими клещами; определение новых исторических проектов – короче: основание третьей силы, третьего пути, Новой Европейской Империи.

Мы хотим напомнить Европе о том, что ее будущее лежит в наследии Гераклита, Ницше или Сент-Экзюпери, а не в либеральном вранье, которое так успешно научилось ограничивать мышление инстинктом насыщения, набивания брюха. Мы хотим вернуть Европе тот миф, который создал Гамельн, Нюрнберг, Сарагосу, Венецию и Каркассон, чтобы она забыла пацифистскую беготню потребительства калифорнийской замаскированной тепловой смерти. Мы хотим предложить ей империю традиций укорененных в традиции людей, но при этом разрушить концентрационный лагерь однообразного всемирного общества. Не догадывается ли уже Европа, пожалуй, что ее будущее зависит исключительно от ее собственной силы и готовности? Все-таки Европа послала в век Дионисия свою Ариа(д)ну вверх к звездам. Знак богов?

В учредительной фазе этой партии духа «Семинар Туле» решительно дистанцировался от профессиональной политики. «Семинар Туле» снова и снова констатировал, что он работает над созревaniem новых ценностей, которые должны вернуть народам Европы их отечество, а именно благодаря повторному укоренению в издревле истинном складе характера, из которого одного лишь и может произойти мощное обновление.

В публичных докладах Гийом Фай каждый раз касается существенных мотивов нашей борьбы и объясняет от имени «Семинара Туле»: «За что и против чего мы вообще боремся? Против атлантической ловушки, за империю, и не только за «нашу» империю, а за империю всех народов мира, самому существованию которых сегодня в целом угрожает материалистический космополитизм, как лицемерного американского проповедника, так и хитрого советского товарища, которые полагают, что смогут упорядочить жизнь по понятиям разума. Когда мы во Франции боремся против мультирасового общества, когда мы в Германии боремся против управляемого стирания нашей исторической памяти и нашего национального величия, мы ведем, как здесь, так и там, одну и ту же борьбу для нашего будущего отечества: Европы. Определенное пламя, которое снова ожило пятнадцать лет назад в сердце Франции, которое пронизывает Италию, Грецию, Бельгию, Испанию, Португалию, Англию и Австрию, наконец-то возрастает до наивысшего горения. Германия окружена пожаром и еще не знает этого. Мы должны открыть ей ее сонные глаза. Давайте же вместе совершим этот труд исторического значения!»

Тем временем начало Новой Культуры Европы стало реальностью, которая пугает учеников чародея эгалитаризма. От Иберийского полуострова до Эллады, от Итальянского сапога до Альбиона трудится новое поколение. Хоть у передовых дозоров европейской реконквисты и разные национальности, но, тем не менее, постоянно растет одно отечество в пределах образа мыслей одной и той же идентичности – Европа. Но также и по ту сторону европейских границ просыпается сознание идентичности. В нашей первой публикации («Бессмертное наследие, Альтернативы принципу равенства») мы уже констатировали: «Образ действий, который мы применяем, и основы, на которые мы опираемся, не уникальны и не необычны. Всюду на свете – и особенно в Третьем мире – можно наблюдать сильную волю защититься от окостеневшей идеологии равенства. До сих пор считающиеся смертельно больными культуры осознают свою идентичность, свое своеобразие и, таким образом, свои богатства. Они возражают против какой-либо затеи, будь она политической, религиозной или идеологической, которая стремится к концентрации и нивелированию. Люди обнаруживают, что делает их разными. Люди подтверждают свою волю к жизни в соответствующем их народу ритме. Все больше людей свидетельствуют о том, что этнокультурное наследие их народа непрерывно, что даже преступлением является посягать на него, тем более что эта целостность гарантирует его своеобразие и вечность. В Европе, по ту сторону границ и языков, люди прокладывают путь к завтрашнему европейскому братанию, несмотря на непосредственные политические случайности, исторические предубеждения или экономико-политические различия. Единственная форма братания, однако, которая может вызвать решение конфликтов, проблем или напряжений, и которая справилась бы с таким вызовом, основывается на обмене мыслями и на взаимном понимании. В проти-

воположность обмену интересов и денежному обману как якобы единственному идеалу полностью американизированного общества такое сближение создает и углубляет сознание общего происхождения, общей истории и общей судьбы».

Культурный ренессанс Европы может вызвать новый идеализм завтра. Действуя во имя Соединенных Штатов Европы, Пьер Дрие ля Рошель писал уже в 1928 году: «Европеец способен реализовать новое оригинальное и неожиданное сооружение». («Genève ou Moscou»). В своем труде «L'Avenir n'est écrit nulle part» (Париж 1978, стр. 376) бывший министр Мишель Понятовский со своей стороны отметил, что Европа «– в историческое мгновение всемирной революции – представляет возможный ответ для нас, жителей географической Европы, членов этнокультурной общности, которая оформлялась за тысячелетия истории (...), тигель своеобразной культуры и цивилизации, которая связывает народы почти всех европейских наций друг с другом». Мы добавим к этому: Человек нуждается не только в благосостоянии, а скорее в причине жизни, которая придает его жизни смысл. Мы снова хотим дать Европе причину жизни, заново формулируя ее судьбу.

Идея обязывает нас

В книге «Через Америку» граф Герман фон Кайзерлинг выразил убеждение, что вся молодая жизнь созрела во мраке, в хаосе и в безобразии; и это также верно и для цивилизаций. Век мрака соответствовал якобы, так сказать, фазе беременности. Следовательно, Европа все еще находится в веке мрака, и все декадентские явления нашего времени мешают созданию европейца. Как раз из-за внезапного переворота эти условия, однако, «в наивысшей степени благоприятствуют появлению

исключительных людей, обладающих опаснейшими и обаятельнейшими качествами», утверждает Ницше в «По ту сторону добра и зла». «Я с удовольствием слышу, что наше Солнце быстро движется к созвездию Геркулеса, – и надеюсь, что человек на Земле будет в этом отношении подражать Солнцу. И впереди окажемся мы, хорошие европейцы!» (параграфы 242 и 243)

Мы должны идти впереди нашего народа и его истории. Мы должны быть теми «хорошими европейцами» и поэтому утверждаем без обиняков, как мы это уже сделали в первом номере «Элементов»: Для нас является товарищем интеллект только в ежедневном действии, в поступке, иначе он не заслуживает имени «интеллектуала», а только имени комедианта или паразита.

Речь как никогда идет об этой Европе, которая так же нуждается в *речи*, как Германия во время Фихте. Гийом Фай написал эту речь. (19) Сначала он напоминает о том, что «Европа возникла из Эллады и Рима, это значит из той таинственной связи политического порядка (который вызывает историческое сознание), философской, эстетической культуры (которая порождает обширное мировоззрение) и научно-технического менталитета (который влечет за собой овладение Землей). Нужно быть осторожным. Если мы откажемся от всего, мы сами себя предадим». И он формулирует эту мысль следующим образом: «И даже если мы (как руководители немецкой протестующей молодежи, «зеленые», национал-революционеры и т. д.) откажемся от технически-промышленного успеха, международной борьбы, геостратегической силы, демографической плодовитости, чтобы защищать наше народное творчество, наше качество жизни, нашу законсервированную в музеях культуру, у нас однажды отберут наши последние блага. Европа укоренена только в силе и в поднимающемся превращении своих форм. С каждым поколением меняется ландшафт эстетики так же, как и ее формы; и в нападении кроется тайна нашей обороны. Чтобы не умереть, мы обречены на страх и величие. Наша цивилизация не создана для счастья». Брошен исторический вызов. Если мы не примем его, это значит, «если мы проиграем демографическую войну и культурную войну, тогда драма превратится в трагедию. Ничего больше уже нельзя будет поймать. Мы как народ точно так же гарантированно исчезнем с лица земли, как если бы нас искоренили». Ужасный призрак распада сформировал бы тогда невыносимую реальность наших будней. «Наши национальные языки унизились бы до диалектов в сравнении с англо-американским языком межнационального общения. Наши музыкальные произведения, наши картины и наши строения были бы обречены на то, что остаться только лишь фотографическими мотивами для международных туристов, одним словом, Европа как всемирный музей... мультирасовая Европа, где белая раса неумолимо бы сокращалась, и должна была старательно и покорно следовать за цивилизацией американско-азиатского Запада: Готовы ли мы принять эту тепловую смерть? Нет, не так ли? Это, тем не менее, и есть тот путь, на который мы собираемся вступить». Мы можем направить, если мы захотим, судьбу наших народов на другой путь. Но оружие реконкисты – это в первую очередь внутреннее оружие. Революция, которую провозглашаешь другим, – именно та, которую ты уже завершил в себе самом. Каждая революция требует своей доли мистицизма в вере в новый порядок. Каждая революция, которая хочет пробудить народ, уже пробудила революционеров. Все же, те, кто будят народ, обычно дорого платят за свою верность: часто угнетением или смертью. Справедливое поражение существует в столь же малой степени, как дилетантская революция. Но есть *миф*, который как единственный воплощает наивысшую легитимацию нашей борьбы. И этот миф не означает ничего другого, что мы должны быть готовы подвергнуться ударам ради права на различие, ради права всех народов.

Примечания

- 1 Pierre Krebs, *Die europäische Wiedergeburt*, Aufruf zur Selbstbestimmung, Tübingen 1982
- 2 *Elemente zur Metapolitik*, 1. Ausgabe 1987
- 3 Там же.
- 4 Отрывки из речи Гийома Фэя и Пьера Кребса. См.: P. Krebs, *Strategie der kulturellen Revolution*, und G. Faye, *Metapolitik im ideologischen Kampf*, Thule-Bibliothek, Hörn, 1988
- 5 Пьер Кребс, там же
- 6 *Le renouveau païen dans la pensée française*, Paris 1986, стр. 23
- 7 См. примечание 4
- 8 *Critique de la raison politique ou l'inconscient religieux*, Paris 1981, стр. 280
- 9 *La troisième voie*, Paris 1984, стр. 22 и 28
- 10 Жак Марло, указ. соч, стр. 69
- 11 Там же, стр. 23
- 12 Там же, стр. 24
- 13 Там же.
- 14 Guillaume Faye, *L'Occident comme déclin*, Paris 1984, S. 82
- 15 См. примечание 4.
- 16 См. *Elemente zur Metapolitik*, 1. Ausgabe 1986, 1. Ausgabe 1987
- 17 Albert Mathiez, *Révolution française*, Предисловие
- 18 *L'Occident comme déclin*, Там же, стр. 46 и дальше
- 19 *Discours à la Nation européenne*, Paris 1985, стр. 160. Немецкое издание.: *Rede an die Europäer*, Thule-Bibliothek, Hörn 1988

Библиотека Велесова Слобода, 2013 г.